

Префектура Ин находилась довольно далеко от Чанъаня, расстояние было практически равносильно половине Северной Чжоу. Однако с уровнем цингуна Янь Уши, добраться до туда за два дня не такая уж большая проблема. Поэтому получив письмо своего учителя, Биан Яньмей, старший ученик Янь Уши, тут же отправил людей подготовить их резиденцию в столице, чтобы по прибытию туда его учитель мог сразу заселиться в нее.

У Янь Уши не было активного положения при дворе Чжоу. Но из-за того, что Император Чжоу в значительной степени полагался на него, ему был дарован титул Младшего советника Наследного Принца. Это титул можно было воспринять как “Служу Наследному Принцу”, однако у самого Юйвэнь Юна было достаточно его собственных чиновников из Восточного дворца и эрудированных советников, которые бы давали ему советов. Именно поэтому не было никакого смысла беспокоить по этому поводу самого Янь Уши.

Чтобы показать, как же сильно Император ценил его, он подарил Янь Уши целую резиденцию, чтобы ему было где остановиваться во время его пребывания в столице.

Вот только у Хуаньюэ не было проблем с деньгами, и помимо той резиденции у Янь Уши был собственный особняк в Чанъане. К сведению, в резиденции Младшего советника он редко останавливался. Поэтому несмотря на наличие мебели и прислуг, из-за того, что здание долго оставалось без хозяина, это место стало выглядеть немного бесхозным. Единственная причина, по которой Биан Яньмей приказал всем быстро навести там порядок, была в том, что Янь Уши указал конкретно это место, и он собирался остановиться именно в этой резиденции.

Несмотря на это Биан Яньмей прождал несколько дней, однако его учитель еще не прибыл. Он был немного озадачен этим, однако, зная силу и мастерство своего учителя, ему не требовалось особо беспокоиться. Вероятнее всего Янь Уши задерживался по каким-то обстоятельствам на пути. И Биан Яньмей особо не заикливался над этим вопросом, если бы не Император Чжоу, узнавший о возвращении Младшего советника, и теперь докучавший ему постоянными вопросами о том, где тот пропал, желая в скорейшем времени встретиться с ним лично. Именно поэтому Биан Яньмей отправил несколько людей следить за дорогой, чтобы те проинформировали его, когда Янь Уши будет подходить к столице.

Ему пришлось ждать аж до третьего марта, Девичьего Фестиваля, день, когда всем девушкам было позволено отправиться в походы за стенами города. Лишь в этот день он получил весточку из префектуры Луо. В той было сказано, что Янь Уши скоро прибывает.

Учитель возвращался. Будучи его учеником, Биан Яньмей было положено отправиться навстречу и поприветствовать его лично. Ради этого он намеренно отложил все свои дела и обязанности и отправился ко входу в город, чтобы лично дожидаться прибытия Янь Уши. К несчастью, из-за Девичьего Фестиваля, улицы были переполнены. В походы отправлялись не только дочери обычных горожан, но и прекрасные леди богатых и знатных семей не упускали возможности отправиться наружу в своих каретах. К последним прилагались и слуги, а добавив к этим процессиям еще и путешествующих торговцев, подобное скопление людей можно было сравнить лишь с Праздником Фонарей — на улицах яблоку было негде упасть.

В такой ситуации не важно насколько одаренным в боевых искусствах был Биан Яньмей, от них

не было никакого толку, если же он конечно не намеревался прыгать по людским головам и крышам карет. Но подобно лишь доставило бы ему проблем и необязательно бы сэкономило время. Поэтому, отказавшись от идеи ехать в карете, он решил отправиться пешком.

Его личный слуга Джи Ин многие годы прислуживал ему. Повседневные заботы Биан Яньмея во время пребывания в столице в основном решались именно им — верным и просвещенным человеком, который также владел неплохими навыками боевых искусств. Он настоял на том, чтобы отправиться вместе с Биан Яньмеем. Тот немного подумал, но в итоге согласился.

Они решили избежать толпы и пошли в обход по небольшим улочкам. Несмотря на это, им все равно пришлось значительно прождать у городских ворот, которые были заблокированы повозками, прежде чем им удалось наконец покинуть городские стены.

В трех милях от города располагалась чайная. Из-за ее примитивной мебели, не многие останавливались здесь во время весенних походов. Однако с этого места можно было прекрасно рассмотреть любого, кто планировал войти в город. Биан Яньмей вошел внутрь и заказал две чашки чая, после чего сел за столик с Джи Ином, чтобы ждать.

Джи Ин выглядел немного нервным:

— Господин, может ли он опаздывать? Может быть мастер Янь уже давно в городе?

Биан Яньмей ответил:

— Маловероятно. Мы прибыли довольно рано. Давай просто подождем немного подольше.

Увидев, как Джи Ин держал свою чашку чая, но не пил из нее, он не сдержал смешок:

— Ты же не в первый раз встречаешься с Учителем. Почему же ты так нервничаешь? Он же не съест тебя живьем!

Джи Ин выглядел так, словно он вот-вот расплачется:

— Я был невнимателен в прошлый раз, и, из-за этого, мастер Янь преподавал мне урок. Надеюсь, что в этот раз все обойдется!

— Расслабься. Если Учитель узнает, что ты не принадлежишь Хуаньюэ он просто убьет тебя, и никаких уроков преподавать он уж точно не будет.

Джи Ин растерялся:

— Господин, я не понимаю, о чем вы говорите...

Биан Яньмей улыбнулся:

— Ты действительно талантлив в подражании его манеры речи и поведения. Я даже почти купился. Как жаль, что ты совершил одну чудовищную ошибку.

Из-за того, что его уже вычислили, “Джи Ин” прекратил притворяться покорным прислугой:

— И что же это за ошибка?

— Джи Ин уважает Учителя, однако он также безумно боится его. Я бы сказал, он все же больше боится его. Поэтому он не стал бы идти со мной, чтобы поприветствовать его. Ты был хорош абсолютно во всем, но здесь ты просчитался.

“Джи Ин” залился зловещим смехом:

— Ты действительно доказал, что достоин быть старшим учеником Янь Уши, но я все равно не планировал притворяться все это время!

Улыбка на лице Биан Яньмей исчезла:

— Кто ты? Где Джи Ин?

“Джи Ин” с гордостью спросил в ответ:

— Как же такой умный человек вроде тебя еще не догадался о моей личности? Если ты уже знаешь, кто я, тогда зачем ты все равно спрашиваешь у меня, где твой слуга? Мы старые враги. Как ты можешь не узнать меня?

Биан Яньмей ненадолго замер, прежде чем его лицо мгновенно переменилось:

— Хэхуань? Ты Хуо Сицзинь!

Хуо Сицзинь был печально известен своим искусством смены лиц. У того, чье лицо было содрано этим мастером, не было шансов остаться в живых. Хоть Джи Ин владел неплохим боевым искусством, он не был ровней Хуо Сицзиню. Если уж на то пошло, то если бы Бай Жун не вступила в спор с ним, даже Шэнь Цяо и Чэнь Гуну не удалось бы сбежать от него в прошлый раз.

Никто не знал, сколько в действительности Хуо Сицзиню лет. Ему могло быть около тридцати

или сорока, могло быть даже около пятидесяти или шестидесяти лет. Время от времени он заменял свое лицо новым, выбирая исключительно лица красавцев. За эти годы он снял лица с дюжины, а то и сотни людей. Как Ортодоксальные секты, так и преступные организации испытывали одинаковое отвращение, услышав его имя.

Разумеется, секта Хэуань была широко известна другим из-за их способа совершенствования через соблазнение. Они изначально не имели хорошей репутации, однако, для кого-то, вроде Хуо Сицзиня, которого все презирали и ненавидели до мозга костей, его репутация была на еще более низком уровне.

Хуо Сицзин громко посмеялся:

— Брат Биан, почему ты смотришь на меня так? Мы же как-никак ученики с одним общим предком. У нас не выпадало шанса встретиться уже столько лет, я действительно хотел навестить тебя. Я не пришел сюда, чтобы убивать или драться!

Биан Яньмей ответил холодно:

— Джи Ин был со мной многие годы, а ты снял с него лицо, тем самым убив его. Я буду позором своей семьи, если прямо сейчас не отомщу за него!

Хуо Сицзин тут же отошел на несколько шагов назад, прежде чем второй успел нанести удар:

— Брат Биан, не пойми меня неправильно. Я понятия не имел, что он твой человек, когда мне приглянулось его лицо в тот день. Он рассказал мне об этом лишь тогда, когда я был на полпути от завершения. Видишь ли, даже если бы я остановился тогда, он бы все равно не смог сохранить ни своего лица, ни жизни. Вместо этого, хоть одному из нас досталось бы благо. В любом случае обладая его лицом, ты смог бы всегда вспоминать о нем. Я пришел сюда сегодня, чтобы передать дань уважения твоему учителю от моего Учителя. У него есть важный вопрос, который он хотел бы обговорить с ним.

Его абсолютно не волновала жизнь Джи Ина. Сначала он думал, что, назвав имя своего учителя, Сан Цзинсина, ему удастся припугнуть его. Однако, к его удивлению, Биан Яньмей все равно напал на него, даже на секунду не поколебавшись. Он сложил свои пальцы и направил их на Хуо Сицзина словно нож, зловещий холод направленный прямо на него был скоплением его истинного ци.

Хуо Сицзин еле увернулся от удара. Ему пришлось отойти на несколько шагов, прежде чем он нашел возможность контратаковать. Вот только его противник двигался без остановки и упорно сменял один удар другим. Эта маленькая чайная в мгновение ока превратилась в поле битвы. Столы и стулья разлетелись в стороны. В ту же секунду владелец чайной и другие посетители сбежали от греха подальше.

Одна и та же техника Весенних Вод в руках разных людей была совершенно иной — когда ее

использовал Янь Уши, движения были надменными и властными, а вот когда ее использовал Биан Яньмей, они были быстрыми и свирепыми. Он внедрил в эту технику стиль Клинка секты Хуаньюэ. В его руках не было клинка, однако сила его удара была мощнее, чем если бы это оружие сейчас было при нем. С душой, подобной ряби осенних вод, одного импульса его руки было достаточно, чтобы собственноручно расколоть гору. Расчищая путь кровью и наполняя реки трупами, оно наполняло каждый миллиметр пространства, никто и ничто не могло избежать этого!

Хуо Сицзин был учеником Сан Цзинсина, одного из десяти лучших мастеров. Он был достаточно бесстыжим, чтобы подлизываться к собственному учителю, на регулярной основе охотясь на красавиц, которых он потом дарил ему. Он считался любимчиком Сан Цзинсина, и именно поэтому он часто не контролировал свои действия. В противном случае за все те омерзительные поступки, которые он совершил, одно из которых было снятие чужих лиц, он бы уже давно был схвачен своими врагами и порублен на мелкие кусочки.

В результате чего, его собственное эго начало значительно прогрессировать. Он не воспринял Биан Яньмей всерьез, из-за того, что старший ученик Янь Уши отвечал за урегулирование отношений между сектой Хуаньюэ и Императорским двором Северной Чжоу. Он часто занимался поддержкой связей с правительственными чиновниками, и даже сам имел место в правительстве. Он должен был чаще использовать свой мозг, нежели свои руки, поэтому, по мнению Сицзина, Биан Яньмей не должен был обладать особыми навыками боевых искусств.

Однако именно это предвзятое отношение принесло Хуо Сицзину большие проблемы. Несмотря на то, что он не попал под контроль врага за минуту, ему также не удавалось одержать победу.

Биан Яньмей целенаправленно собирался лишить его жизни. Он совершенно не собирался проявлять милосердия к нему, лишь потому, что они оба были учениками Демонических школ. Все дело было в том, что уровень боевых искусств Хуо Сицзина был недалек от его собственного. Биан Яньмею удалось получить небольшое преимущество, но на этом все.

Хуо Сицзин немного устал от битвы и подумывал, стоит ли ему оставаться или все же уйти. Если бы он продолжил сражение, то в один прекрасный момент заметил бы возможность нанести Биан Яньмею удар исподтишка. Он смог бы использовать его, чтобы запугать Янь Уши и заставить его сдаться, или же он мог преподнести его своему учителю. Но раз уж они оба были из Демонических школ, никто из них не был наивен и незащищен, поэтому подстроить другому козни не было легкой задачей. Сражаясь против Биан Яньмея длительное время, Хуо Сицзин так и не нашел бреши в его защите.

Прямо в этот момент, он услышал решительный голос:

— Какой позор называть тебя своим учеником, если ты не можешь справиться даже с таким мусором как он!

Этот голос словно гром прогремел у его уха, и Хуо Сицзин почувствовал резкую боль в груди,

из-за которой чуть не откашлялся кровью. Он был серьезно удивлен, и его лицо было бледным, когда он собирался сбежать несмотря ни на что!

Отвлечение в эту долю секунды дало Биан Яньмею возможность атаковать незащищенную лазейку в защите Хуо Сицзина. Тот вскрикнул от боли и отлетел назад, но все равно каким-то образом развернулся в воздухе и попытался воспользоваться этим, чтобы сбежать!

Несмотря на это, его тело застыло на полпути во время прыжка, после чего тут же врезалось с силой об землю!

Схватившись за грудь, Хуо Сицзин тяжело дышал, тупо уставившись на прекрасного мужчину в черном одеянии, стоявшим под деревом недалеко от него.

Рядом с ним стоял человек, поддерживающий себя бамбуковой тростью и выглядевший немного больным.

Без сомнений, человеком в черном был Янь Уши.

Хуо Сицзин был особенно одержим прекрасными лицами. В тот момент, когда он увидел человека рядом с Янь Уши, он тут же осознал, что это был тот самый мужчина, с которого он хотел содрать лицо в тот день, когда он пересекся с Бай Жун.

Правда прямо сейчас ему было не до этого прекрасного лица, ведь он даже не знал, как ему спасти собственную жизнь, не говоря уже о своих пристрастиях.

— Приветствую, глава Янь. Я — Хуо Сицзин. Я прибыл сюда, чтобы отдать дань уважения старейшине от своего Учителя, Сан Цзинсина.

Хуо Сицзин заставил себя улыбнуться, словно он вовсе не встретился со своим заклятым врагом.

Все души несчастных, которые погибли от его рук, наверняка и представить себе не могли, что этот жестокий и надменный мастер когда-нибудь повел бы себя так покорно и робко.

Как говорит старая поговорка — “Попался, который кусался.” Теперь же Хуо Сицзин мечтал свернуться в малюсенький комочек и провалиться в трещину на земле. Было бы лучше, если бы другой не мог вообще его видеть.

— Старейшину? Неужели я настолько стар? - невозмутимо спросил Янь Уши. На его лице вроде было заметно что-то отдаленно напоминающее улыбку.

Хуо Сицзин судорожно перебирал в своей голове льстивые слова, которые смогли бы

удовлетворить Янь Уши, чтобы тот после позволил ему уйти. Он молча уставился на того, не найдя нужных слов.

Биан Яньмей подавил в себе чувство восторга и почтительно поклонился Янь Уши:

— Приветствую, Учитель. Надеюсь у Учителя было все хорошо?

Янь Уши бросил на того пристальный взгляд:

— Ты проводил все свое время решая вопросы с чиновниками. Я полагаю, ты недостаточно уделял времени практике боевых искусств, раз ты не можешь справиться с таким мусором как он?

Биан Яньмею стало невероятно стыдно:

— Учитель прав. Мне очень жаль.

Что касалось этого “мусора” Хуо Сицзина, у которого от глубокой обиды потемнело лицо, он все же не решался вставить хоть слова.

После того как Янь Уши объявился, он уже не питал надежды получить какое-либо преимущество. Самым лучшим решением для него было бежать куда подальше, однако с этим вопросом также были проблемы. Пока те двое беседовали, Хуо Сицзин оглядывал взглядом каждый уголок, ища лучший путь для побега.

Он убил слугу ученика Янь Уши. Будучи его учителем, даже если он сам не отомстит за того, он не станет останавливать своего ученика от задуманного. Все они были приверженцами Демонического учения. Никто из них не был более невинным, чем другой. Хуо Сицзин прекрасно знал, что Биан Яньмей вдруг не сжалится над ним и уж точно не отпустит его, однако из-за того, что здесь присутствовал Янь Уши, даже побег был практически невозможен.

Хуо Сицзин метался взглядом туда-сюда, пока не заметил Шэнь Цяо, стоящего позади Янь Уши. В его голове тут же зародился план. Он тут же начал его исполнение, прыгнув с места в сторону Шэнь Цяо!

Однако очень скоро он понял, что совершил величайшую ошибку в своей жизни.

Все случилось в мгновение ока. Биан Яньмей не был уверен в каких отношениях был Шэнь Цяо с его учителем, но, заметив, что Янь Уши не двигался с места, он также не стоял смирно на месте. Нельзя было сказать, что Хуо Сицзин был медленным. Его фигура словно растворилась, оставив после себя лишь проекцию, когда он прыгнул в сторону Шэнь Цяо. Он почти схватил того за запястье, но Шэнь Цяо неожиданно ускользнул из под его траектории словно скользкая рыба.

Сердце Хуо Сицзина пропустило удар. Он почувствовал, что что-то было не так. Без раздумий, после того как его атака провалилась, он тут же отступил назад, в попытке все-таки сбежать. Он даже не бросил взгляда на Янь Уши, боясь, что такое промедление навсегда отрежет ему путь к отступлению.

Однако ситуация в этот раз далеко превзошла его ожидания. Человеком, погнавшимся за ним, был вовсе не Янь Уши. Это был тот самый мужчина, на которого он только что хотел напасть исподтишка!

Бамбуковая трость была лазурной и гладкой. Из-за того, что ею часто били об землю, один из ее концов был немного рассечен. В эти дни, литераторы и чиновники часто любили покупать трости у торговцев у подножий гор прежде чем взбираться вверх в горы, на тот случай, если на полпути они устанут. Бамбуковая трость Шэнь Цяо ничем не отличалась от тех, продаваемых торговцами.

Бамбуковая трость была устремлена в его сторону довольно обычным и простым способом. Он не использовал никаких красивых и незаурядных движений. Однако лицо Хуо Сицзина тут же переменялось. Он почувствовал густой, холодный воздух, окутавший трость. Она была нацелена на его голову словно топор приставленный к горлу или острый клинок занесенный в сторону шеи. Так казалось лишь с первого взгляда, когда Шэнь Цяо начал исполнение движений, это трость словно направлялась в его сторону вместе с потоком дождя и ветра.

Только после этого Хуо Сицзин осознал, что этот “слабак” на самом деле оказался “крепким орешком”!

Но было поздно жалеть об этом. Если бы Шэнь Цяо был один, можно было бы не бояться, однако рядом с ними находился Янь Уши, и это делало его чрезвычайно тревожным. У него не было настроения вовлекаться в затяжную битву, поэтому он решил в спешке отступить — отступить всего на пару метров.

Но кто же знал, что этот незнакомец погонится за ним следом? Его походка была такой невесомой, словно у него не было материального тела, как у призрака. Однако он был не менее упертым, благодаря чему ему удавалось держать Хуо Сицзина на расстоянии вытянутой руки.

Наблюдая безучастно со стороны, Биан Яньмей был на деле крайне удивлен. Цингун секты Хуаньюэ в основном фокусировался на гибкости и эстетике. Цингун же самого Шэнь Цяо был в каком-то роде схож с их, но был и отличия. В ней виднелись основы Восьми Триграмм и Астрологии Пурпурной Звезды. Со стороны могло показаться, что эти движения легко просчитать, вот только приглядевшись внимательнее можно было понять, что человек исполнявший их двигался хаотично, сбивая смотрящего с толку. Чтобы полностью освоить все секреты и глубину этой техники, человеку может не хватить всей жизни.

У мужчины с тростью были видимые проблемы со зрением. Подобная примета не была чем-то распространенным, однако прокручивая всех известных мастеров у себя в голове, Биан Яньмей не смог припомнить ни одного подобного мастера в мире боевых искусств. Он бросил взгляд в

сторону своего учителя, однако тот смотрел на происходящее, как на само собой разумеющиеся, словно в этом нет ничего удивительного. Поэтому Биан Яньмей не стал задавать ему вопросов и просто продолжил наблюдать за битвой.

Шэнь Цяо был полон решимости убить Хуо Сицзина. За все время путешествий, Шэнь Цяо вдоволь наслушался о его чудовищных преступлениях. Как только он находил себе красавицу или красавца по вкусу, тут же снимал с жертвы лицо и заменял свое собственное. Когда одно лицо приходило в негодность, он мог сменить его по два три раза в месяц. Те, с кого сняли лицо, не имели никаких шансов на выживание. Более того, Хуо Сицзина совершенно не волновало, принадлежали ли эти люди к миру боевых искусств. Если их образ приходился ему по вкусу, у них практически не оставалось шансов избежать своей ужасной участи.

Разумеется, семья пострадавших ненавидели его всем сердцем, однако он обладал выдающимися навыками и находился под защитой школы Гармонии. Из-за этого многие ничего не могли предпринять. Были даже те, кто шли мстить за своих родных, однако те оказались вскоре убитыми.

В Буддизме есть выражение “Взрачивай сердца бодхисаттвы через твердые методы”, в то время как Даосской доктрине, также есть выражение “Уничтожай зло, способствуй добродетели”. Шэнь Цяо был по своей натуре мягким и нежным, и не так легко приходил в ярость. Однако стоило ему действительно разозлиться, как он действовал до конца. Например, прямо сейчас он настроился любой ценой избавить этот мир от зла под названием Хуо Сицзин. Поэтому в его движениях не было ни намека на милосердие. Каждое его движение было молниеносным и жестоким, полное решимости искоренить зло.

Если бы они столкнулись до того, как Шэнь Цяо был ранен, у Хуо Сицзина не было бы и шансов на сопротивление. Однако сейчас у него была лишь половина его силы, а его глаза не различали света. Пускай Стратегия Багрового Яна была эффективна в избавлении от нечистот, заменяя их чистой энергией, “Радость встречи” была редким ядом. Отравление было настолько резким и суровым, что его тело пропиталось им насквозь. Из-за чего, даже сейчас небольшая часть “Радость встречи” все еще находилась в нем. А избавиться от подобного... Было легче сказать, чем сделать.

Вследствие вышеперечисленного, они оба продолжали битву, и нельзя было сказать, у кого в этот раз было преимущество.

Хуо Сицзин совершенно не хотел сражаться с Шэнь Цяо. Пускай Янь Уши и не вмешивался в их битву, одного его присутствия было достаточно, чтобы почувствовать себя жертвой голодного хищника. Учитывая его непредсказуемый характер, не было абсолютно никаких гарантий, что он не нападет на него неожиданно в любую секунду. Он всеми силами старался сбежать, однако Шэнь Цяо отказывался его отпускать. Чем дольше Хуо Сицзин сражался, тем раздражительнее он становился. Прямо сейчас он мечтал задушить Шэнь Цяо и покончить со всем, но у него никак не получалось даже достать до противника, поэтому он мог лишь глубже погрязнуть в этом болоте.

Когда человек отвлекался на собственную нетерпеливость, он нередко допускал ошибки в

своих движениях. Сейчас Шэнь Цяо не мог их увидеть, однако в этой битве он без того полагался на свой разум и логику, чтобы справиться с противником. Прямо в это мгновение, встретившись с временно уязвимым врагом, и, используя бамбуковую трость словно меч, он превратил свой маневр в настоящий выпад, нацелившись прямо на сердце Хуо Сицзина!

Его трость была легкой словно перышко и нежной словно мягкое скользящее прикосновение возлюбленной по щеке, несмотря на это, Хуо Сицзин прекрасно отдавал себе отчет о том, что это движение могло проткнуть его грудь насквозь, если этот выпад попадет по нему. Он стиснул свои зубы и приостановил свою атаку, после чего заставил себя изогнуться, уворачиваясь от удара, и в то же время он направил в его сторону ладонь для ответной атаки. Он наполнил ее своей истинной ци, гром и ветер завихрились вокруг нее. Он был уверен, что его противник увернется от этой атаки.

К его удивлению, Шэнь Цяо не только не увернулся и не отступил в сторону, но даже не замедлился и не бросил взгляда на нацеленную в него ладонь Хуо Сицзина. Они оба нанесли удар одновременно – тело Хуо Сицзина серьезно пострадало, а вот его ладонь прошла сквозь тело второго, словно он был призраком.

Теневое Смещение? Лицо Хуо Сицзина побелело от страха. Разве это не та самая техника, с которой Ци Фэнгэ в свои годы прославился в мире боевых искусств?

Прежде чем он успел среагировать, Хуо Сицзин почувствовал резкую, колющую боль в спине.

Это боль была невыносимой. Словно чья-то рука собиралась вырвать его сердце прямо из груди. Хуо Сицзин не смог сдержать этой боли и завопил.

Однако Шэнь Цяо не удалось полностью проткнуть его бамбуковой тростью. Словно невидимая рука, что-то намертво схватило его трость, не позволяя ему закончить удар!

Выражение лица Шэнь Цяо тут же переменялось.

Заметки Автора:

Янь Уши: А-Цяо, прямо сейчас ты был просто бесподобен. Такая редкость увидеть такого сдержанного человека в порыве гнева. Мое уважение к тебе возросло.

Шэнь Цяо: Не знаю почему, но твоя похвала вызывает у меня мурашки.

Янь Уши: Генеральный директор, Король Мяу, сказал, что мы должны позволить тебе больше действовать в подобных сценах и не вмешиваться самим.

Король Мяу (Автор): Ты единственный наслаждаешься этим представлением! Иди сам посчитай, сколько раз глава Шэнь кашлял кровью с тех пор как он появился в истории!

Янь Уши (ахнул): По крайней мере он еще жив, разве нет?

Шэнь Цяо (отворачиваясь): Забудь об этом. Я возвращаюсь в свою одиночную камеру на горе Сюаньду.

Юй Ай: Братик, иди к нам

<http://bllate.org/book/14532/1287324>